

ИЗ ВСТРЕЧ С ГОРЬКИМ

Еще до официального знакомства с Алексеем Максимовичем, мне не раз случалось видеть его высокою, несколько сутуловатую фигуру демократического вида — длинные волосы, мягкая черная шляпа с широкими полями, старомодная кривлятка — на улицах Нижнего-Новгорода.

Познакомился я с ним на вечере у Баршевских, где часто собидалась за стаканом чая местная интеллигенция разных «оттенков», начиная от «светских-либерального» и кончая «самыми левыми». А. М. тут же представил мне сидевшего рядом с ним Скитальца:

— Познакомьтесь: Степан Петров.

На что Скиталец пробасил:

— Уже знакомы.

Действительно, со Скитальцем мне не раз уже приходилось встречаться в общих знакомых.

На баршевском вечере Горький, разумеется, был в центре всеобщего внимания. Удивительный собеседник и рассказчик, он поощрял слушателей меткими характерными стилями (кое для кого убийственными), сверкающим юмором, замечательными общими оценками, углубленными оценками вещей, людей и событий.

Когда хозяйка дома обратилась к нему с полушутливым упреком:

— А ваш-то Ш. каков!

А. М. пожал плечами:

— Во-первых, почему он — «мой»? А во-вторых, что ж. жена, дети...

В пояснение нужно сказать: Ш. — нижегородский педагог, преподаватель физики в местной гимназии в течение долгих лет, очень неплохой лектор; собиравший на своих публичных выступлениях полную аудиторию, — поразил однажды всех знавших его неожиданной метаморфозой. Из порядочного человека, — так называемого рационального образа мыслей, — из «друга Горького», каким он слыл среди нижегородцев, — он сразу, получив административный пост, превратился в тупого и овидного «хранителя устоев». Достаточно

*) Тов. Л. Кунин — старый нижегородец, сотрудничавший в «Нижегородском листке». В 1900 году неоднократно сталкивался с А. М. Горьким. Ныне работает в Москве, в аппарате «Правда».

сказать, что позволительные ему ученики, возмущенные вывешенными им правилами внутреннего распорядка, разбили стекло, изломали лампу и изорвали злословные правила в клочки.

Лучшей реплики, чем это, произнесенное с убийственным сарказмом «жена, дети»... не могло быть для характеристики утратившего всякую моральную стойкость человека, равно как и для оценки тупого строя, отнявшего у него эту стойкость элементарно честного гражданина.

На заданный ему вопрос:

— А когда, А. М., напишете пьесу?

Горький убежденно ответил:

— Да, напишу пьесу.

(Это было, примерно, за год до постановки в Художественном театре «Мещан»).

На другой день я шел с двумя опутниками окранными лицами города и столкнулся лицом к лицу с А. М. Он шел от присяжного поверенного Ланина (бывшего своего патрона, у которого он одно время служил письмоводителем). Спутницы мои были хорошо знакомы с А. М., и я ему был представлен (вторично!). Решили его проводить. А. М. рассказал о вышедшей недавно книжке Фадеева «В одиночном заключении», в которой, между прочим, излагался привидимый тюремной забвкой. (Чуть ли не на другой день я достал и прочел эту книжку — и не пожалел об этом, так как во время последовавших вскоре тюремных мытарств забвкой для охинок оказалась весьма ценным учебным пособием).

Во время нашей «уличной» беседы пришлось мне выслушать от А. М. небольшой вырек по «критико-литературной» части. По поводу помещенной мной в «Нижегородском листке» унизительно замечки относительно вышедшей в каком-то весьма сомнительном издательстве брошюры «Граф Худой. — Помещальник» (халтурная, пошлая пародия на «Воскресение» Толстого) А. М., недовольно поморщившись, сказал:

— Не надо было делать этого. Таких вещей просто не замечают.

(Мне, разумеется, обидно было выслушать эту нотацию по поводу моего первого выступления в печати. Несколь-

кознее я понял, что нотация мною вполне заслужена).

Когда мы проходили мимо какого-то одноэтажного домика, А. М. внимательно взглянул в освещенное окно.

— Что это! Великий писатель заглядывает в чужие окна! — шутливо возмущенась одна из спутниц.

— Грешный человек, люблю! — ответил Алексей Максимович саркастичным тоном.

Нарушая, быть может, хронологическую последовательность событий, скажу о елке, устроенной (точнее — устраивавшейся два-три года подряд), по инициативе и под непосредственным руководством А. М. для беднейших детей Нижнего-Новгорода. Об этом стоит вспомнить в связи с возродившимся у нас, — после периода не в меру усердного «левацкого» отрицания елки, — обычаем устраивать елку, но уже елку, «по-советски» — как веселый, радостный праздник для самых широких слоев части вой советской детворы, а не как утонченное развлечение для узенького круга буржуазных детей.

Пожалуй, первым опытом такой демократической, общественной елки следует признать горьковскую елку 900-х годов. Не потому ли тогдашняя «чуткая» ко всякого рода «социальным опасностям» парская администрация лишь скрепя сердце, и то под давлением огромного уже тогда учебного веса и общественного авторитета личности А. М., разрешила эту невинную, на вид, детскую забаву и не потому ли, после двух-трех опытов, запретила ее эту «елку для босяков»?

Для подготовки праздника была мобилизована студенческая и вообще учащаяся молодежь, которая обходила кварталы, населенные беднотой, записывала детей на елку, раздавала особо нуждающимся собранные пожертвования — преимущественно носильные вещи. (Кстати сказать, многим деткам иначе буквально не в чем было бы выйти на праздник). Не везде нежданных посетителей встречали приветливо и радушно, — кое-где приходилось наталкиваться на недвусмысленное, угрюмое отношение обитателей этих трущоб не привывших к какой-то то ни было заботе и вниманию к себе. Но после теплого вступительного слова лей обычно таял, и родители обещали прислать детей на елку к «Максиму Горькому».

Устроена была елка в манеже, А. М. усиленно хлопотал, руководил, давал указания. Личному эти строки пришлось, помнится, по поручению Екатерины Павловны Пешковой, спешно бежать в «то-

ной» за булавками, игравшими, как оказало, в устройстве елки далеко не последнюю роль. Детишки, радостно возбужденные богатством впечатлений и полученными подарками, весело шагали под звуки оркестра, разбившись на отряды. Во главе одного из отрядов шел сам Алексей Максимович, и горные «горьковцы» с сознанием собственного превосходства поглядывали на остальных ребяташек...

Вспоминаю другое событие, связанное с публичным выступлением Горького в Нижнем-Новгороде: совещание «отцов и детей», устроенное во Всесоюзном клубе с разрешения губернской администрации и посвященное вопросу о том, устраивать или не устраивать на другой день... политическую демонстрацию. Выступивший с кратким словом А. М. сказал, что уже само по себе настоящее собрание является началом демонстративным, что вряд ли сейчас ощущается необходимость еще в какой-либо демонстрации. Так и было решено, и предполагавшаяся на следующий день демонстрация была отменена.

Подробно об этом совещании рассказывает в своих воспоминаниях председательствовавший на нем В. Десницкий: «Горький нижегородских лет» — в сборнике «М. Горький», издание ГИЗ, 1928 г.).

Впервые пришлось мне быть на квартире у А. М. по делу об издании сборника еврейской художественной литературы в русских переводах. Горький чрезвычайно заинтересовался этим делом и при его посредстве в «Нижегородском листке» было напечатано несколько таких переводов. А. М. ранее совершенно не был знаком с этой литературой и пришел в восторг от рассказа Шолам-Алейхема «Ханукагеля», изумительный юмор которого был им оценен в полной мере. Очень понравилась ему рассказы Л. Перетца. Он долго рассматривал принесенный ему мной отázky портрет Перетца и потом спросил:

— А почему бы ему не приехать сюда?

Я ответил, что Перетц в Нижний приехать не может.

— Почему?

— Он не имеет права жительства вне черты оседлости.

А. М. помолчал, глубокая складка легла на его лоб. И затем он тихо, но внятно и как-то раздельно произнес:

— Сво-ло-чи!

Жгучая ненависть слышалась в его голосе к тем, кому был адресован этот пелестинский эпитет, а вместе с тем глубокая боль, — как будто лично его оскорбили жестоко и незаслуженно.

Перед моим отъездом в Москву (к началу университетских занятий) я зашел к А. М. для получения инструкций по под-

готовке сборника. А. М. сказал, что немедленно напишет мне в Москву по этому поводу письмо, а меня просил писать ему не на его имя, а на имя его жены. (Просьба по тем временам вполне естественная: письма, адресованные подназванным и вообще «неблагонадежным», вскрывались и прочитывались в охранном отделении). И действительно, по приезде в Москву, я получал от А. М. следующее письмо:

«По делу об издании сборника идите к Онисиму Борисовичу Гольдовскому^{*)}, Петровские линии, 2, и попросите его отвезти вас к Владимиру Петровичу Потемкину^{**)}. Адрес Потемкина я забыл. Передайте им, что из Нижнего меня высылают. Где буду жить — пока не знаю. Должен к многому хлопотать и возиться с личными делами и возлагаю на них надежду, что они сделают все, что могут и сколько могут, для сборника».

Издание сборника, однако, не состоялось. В связи с начавшимися (тогда «перманентными») студенческими беспорядками, предполагавшимися ближайшие участники сборника — студенты были арестованы и высланы в разные места Сибири.

Но и в далеком сибирском захолустье пишущему эти строки посчастливилось непосредственно опутить всю теплоту горьковской заботы о людях. Вскоре, по прибытии на место ссылки — с Верхнеострожного (иначе — Каменка), Балаганского уезда, Иркутской губернии, — получаю письмо от знакомого нижегородца, в котором тот сообщает, что Алексей Максимович очень интересуется, как мы (высланные студенты) живем, в чем нуждаемся, не нужно ли нам книг и проч. Тронутые этим вниманием, мы вместе с В. А. Радко-Зеньковичем (впоследствии зам. наркома труда) составили небольшой список интересовавших нас книг. Через некоторое время приходят с почты извещение о получении на мое имя посылки. Приняв на почту, я, при виде посылки, почувствовал, что окин ее не осмлю, что для такой махины личной моей «трузолоемности», никоим образом не достаточно; но иначе — придется звать товарища на подмогу.

Посылка состояла из целого ряда пакетов ввучистого вида и была куда больше «запрокостированной» нами. Тут был и «Капитал» (I том), и «История» — Сенбоса, и полное собрание сочинений Н. К. Михайловского, и чуть ли не все издания «Знания», и много других книг. В посылке была приложена сопроводительная бумага: «Высылается по распоря-

жению А. М. Пелпова».

Все эти книги были оставлены на «вечное поселение в Сибирь», послужив первоначальным фондом для учрежденной нами на месте ссылки «библиотеки для политических осужденных имени Горького».

Излишне объяснять, что учреждение библиотеки, да еще с таким наименованием, не носило ни торжественного, ни официального, ни даже легального характера: начальство отнюдь не склонно было потакать подобным затеям.

По возвращении в Нижний, я отдал Алексею Максимовичу «рапорт» о судьбе приставленных им книг.

Несколько слов о самом возвращении. Вернулись мы (студенты-нижегородцы — «сибиряки») 12 января 1903 года, то есть в «Татьянин день». Ровесникам Октябрья вряд ли что-нибудь говорит эта дата и это наименование «Татьянин день» — традиционный университетский праздник дореволюционного студенчества, ознаменовавшийся устройством банкетов, вечером с танцами, пиением «Гаукамуса»^{*)}, «Дубинушки», весельем в различных его формах — вплоть до беспорядочных попойек и порою даже озорства. Во всем этом принимала откровеннейшее участие не только студенческая молодежь, но и более солидные и почтенные представители интеллигенции — адвокаты, врачи, их жены — «старые студенты», забывавшие в этот день солидность своего возраста и общественного положения и старавшиеся не уступить молодежи в темпераментности и загоде.

Нижегородское студенчество (поислим: не студенты нижегородских высших учебных заведений, — тогда в Нижнем не было еще ни одного вуза, — а сехавшиеся из университетских городов на праздники домой студенты-нижегородцы), — нижегородское студенчество устраивало елегодно празднование «Татьяниня дня» в помещении Коммерческого клуба. Так было и на этот раз. И мы, «из дальних странствий возвращаясь», попали если не «с корабля», то из вагона «на борт». Жалеть об этом нам, хотя и втомленном 9-дневным путешествием, не пришлось уже потому, что на вечере был Горький.

Рядом с Горьким — тоже с длинными волосами, тоже в черной «горьковской» блузе — шагал Скиталец. Тут же был московский гость, тогда уже знаменитый писатель, Леонид Андреев, эффектный, бравадный в оней пощевке. Он лихо танцевал на этом вечере, что производило впечатле-

^{*)} Традиционная студенческая песня.

^{*)} Известный тогда адвокат.

^{**)} ныне полковник в Париже.

ИЗ ВСТРЕЧ С ГОРЬКИМ

окончание, смотри 3 стр.

ние какой-то дисгармонией с жутью и фаталистой обреченностью, которыми были по откату насыщены его рассказы.

Скиталец также не оставался лишь «по четным», пассивным посетителем вечера. Он оказался одним из наиболее, — выражаясь языком конферансье, — интересных номеров программы: шел громовым басом, под собственный аккомпанемент на гуслях знаменитую «Из-за острова на стрежень» и другие песни и имел большой успех.

Но основное внимание было, разумеется, сосредоточено на Горьком. Как и всюду, где он бывал, и здесь чувствовалась «горьковский атмосфера». Но сам Алексей Максимович куда-то исчез. И вот, проходя какими-то извилистыми коридорами, я неожиданно попал в небольшую комнату, где в обычные дни завсегдатаи клуба, дошедшему, скажем, в преферанс и другие почтенные игры: там стояли карточные столы. Вокруг одного такого стола дружелюбно толпился большая компания. Я из любопытства подошел поближе и в первую очередь увидел Алексея Максимовича. Он что-то оживленно рассказывал, а «аудитория» слушала его с затанцованным дыханием. Я подошел — и тоже заслушался. Он говорил с присутствующим только ему одному уменьем (проявлявшимся преимущественно в домашней, интимной обстановке, в небольшом кругу слушателей, — публичных выступлений А. М. не любил и избегал). Я уже упоминал о его исключительных качествах собеседника — юморе, сарказме, сочетавшихся с огромной углубленностью. — в описании баршевского вечера. Добавлю к этому лишь несколько слов о своеобразной особенности его «речевой стилистики». Простая, внешне грубоватая, усиленная порой резкими, — чтобы не сказать предельными, — выделениями. Когда дело шло о людях и явлениях, ему ненавязчивых, его речь расцветалась тончайшими нюансами, изысканно-литературными оборотами, когда в этом представлялась необходимость. «Окаянный» («нежелательный пеховой») (официальное его тогдашнее звание, оправданное разве что его простотой в повседневном быту стихом) сочетался в нем с полнейшим аристократизмом мысли и слова, оставленным далеко «за флагом» официальных аристократов

представителей тогдашнего «высшего общества».

На утро после «Татьянина дня», согласно переданному мне желанию А. М. повидать «сибиряка», я отправился к нему. Встретил он меня очень приветливо, с большим интересом расспрашивал о нашем «там» житье-бытье. Видно было, что он счастлив, сравнительно благополучным («амнистия») исходом этой, наклепанной пему, студенческой «истории».

В этот период пришлось мне по различным поводам бывать у А. М., а также встречать его «на людях».

Как-то студенческой компанией встречали мы новый год. Обещал прийти Горький. Но наступил уже «следующий» год, а его нет. Решили, — раздумал. Но он пришел, заявив в оправдание:

— Встречаю сегодня новый год вторично. Сейчас я от «княгини Марьи Алексеевны».

Пою грибоводской «княгиней» он разумеется интеллигентное «приличное общество», куда затянули его для встречи.

С появлением А. М. атмосфера сразу прояснялась, и видно было по его оживленному лицу, что ему куда интереснее и приятнее повествовать всяк с молодежью, чем с перемонной и феленовальной «Марьей Алексеевной», снисходившей к талантливому «босюгу» и вместе с тем лезвевшей перед его окруженным громкой славою именем.

Вспоминаю эпизод, характеризующий отношение Горького к людям в трудную минуту их жизни. Заболел в знакомой семье юноша. Врачи определяли туберкулез. Необщим Брэм. Средства нет. К кому обратиться? Конечно, к Горькому. По настоянию семьи больного пришлось мне пойти к А. М. с просьбой о содействии.

Не успел я изложить обстоятельства дела, как Алексей Максимович сказал:

— Пошло телеграмму заведующему санитарией. Мой хороший знакомый. Послаю, дело выгорит.

Дело действительно «выгорело», но оказалось, в некоторому моему конфуз и к большой радости семьи больного, что врачи ошиблись, приняв за туберкулез несерьезное простудное заболевание. Пришло снова идти к А. М. — на этот раз извиниться. Когда я уходил от него, раздался звонок. А. М. открыл дверь. Вошел

какой-то плохо одетый человек.

— Вы—Горький?— спросил вошедший.

— Да, я. А в чем дело?

Человек внезапно опустился на колени. Алексей Максимович от неожиданности растерялся и попытался к стене. Я ушел, так и не узнав, какова была развязка этой странной сцены. Но ясным и несомненным в этом эпизоде было одно, — что он был связан с широкой популярностью Горького не только как прославленного писателя, но и как доброго и отзывчивого человека. — в тогдашнем Нижнем, пожалуй, единственного, — в котором можно было пойти с просьбой о помощи, не рискуя встретить с его стороны холодное, безучастное отношение или надменность, случившую «защитным цветом» для «сильных мира сего».

Насколько велика уже тогда была популярность Горького среди самых широких кругов населения, зачастую не имевших даже отдаленного отношения или интереса к литературе, может свидетельствовать следующий забавный эпизод. Три местных средней руки коммерсанта, мирные, почтенные обыватели, ни в каком «бушевестнике» и прочем глашатаям гонимых какой-либо вины отношения, кроме скептического, не имевшие, встретив как-то по дороге с будкой Горького, по какому-то молчаливому соглашению свалили шляпы и почтительно приветствовали его. А. М., ни с одним из них лично не знакомый, был несколько смущен этим проявлением симпатии и уважения со стороны неизвестных ему людей, но, разумеется, кордебнейшим образом ответил на приветствие.

Хочется здесь вспомнить еще об одной встрече моей с А. М., своеобразной хотя бы уже тем, что сам А. М. о ней и не подозревал. Как-то был я привлечен к участию в печатании на гектографе одной листовки. Мне пришлось переписывать гектографическими чернилами и размещать печатными буквами с подлинника. Лишь взглянув на первые строки оригинала, я не спрашивая товарищей, сразу определил — по очень характерному, с наклонном слева направо и с отдельно поставленными буквами, почерку — автора рукописи. Прокламация называлась, кажется, «К обществу». Автором был Алексей Максимович.

По окончании работы мне пришлось, не без боли душевной, тут же на месте, вынуть тольте горьковский подлинник. А какую бы ценность представил он хотя бы для

руководящего отдела Ленинской библиотеки или Института мировой литературы имени Горького!..

А вот еще одна, но уже «живая», вернее—две встречи в один день. Иду утром по Большой Показовке, центральной улице Нижнего-Новгорода (теперь улица Овердлова), навстречу мне идет А. М., помнится, со Скитальцем. Остававшаяся А. М. и весьма пониженным голосом сообщают, что получен свежий номер «Искры». Сговорившись с А. М., что вечером я занесу к нему на квартиру, часов в семь звоню у парадного входа. Открывает дверь сам А. М. В просторной столовой получаем, никого посторонних нет. Вручаю «литературу», которую А. М. тут же бережно прячет в ящик стола. Во время беседы А. М. спросил, читал ли я в последней книжке журнала (какого именно—сейчас не вспомню) рассказы молодого писателя Семена Юшкевича «Человек». О рассказе А. М. отзывался одобрительно и, видимо, был заинтересован личностью автора. Как известно, Горький впоследствии привлек С. Юшкевича к участию в сборниках «Знания».

Как-то зимним вечером был я в гостях у знакомых — Израилевичей. Я уже собирался уходить, как раздался звонок, и в комнату вошел Скиталец, а вслед за ним—Горький. Они пришли, как оказалось, проведать хорошо с ними знакомую хозяйку дома и предложить прогуляться. Заметив на столе книжку «Журнала для всех», А. М. шутливо воскликнул:

— Что это вы такие популярные журналы читаете!

Истатя будет замечать, что Горький, наряду с Чеховым, был наиболее рьяным сторонником участия писателей «с име-

нем» (которое широко открывало им двери фельдаций «толстых», с небольшим tiraжом, но с хорошим тиражом, журналов) в массовых, популярных журналах, каким и был тогда «Журнал для всех». Он вообще охотно рекомендовал этот журнал вниманию пишущей братии.

Позволю себе привести здесь строки из письма, полученного мной от А. М. в 1910 году с Багри в ответ на посылку ему стихотворных переводов. В этом письме он упоминает о «Новом журнале для всех» (вымышленное название «Журнала для всех» после политической запрещения). Это письмо настолько характерно для Горького, что приведу его целиком:

«Уважаемый Л. М.!

Вспомог перед вами. Наверт ваш случайно был зачтут мною в кучу прочитанных рукописей, где и пробыл до сего дня. Небрежность непростительная; этого вообще никогда не бывает со мной. Прощу извинения.

Переводы ваши кажутся мне удачными. Есть музыкальность. Навидно умение владеть стихом. Сквозь русский язык чувствуется темперамент автора. Это редко встречаешь в переводах.

Такие стихи, как «Мя», напоминают Сологуба. Мне кажется, что от этого человека следует держаться в стороне.

Могу рекомендовать вам только «Новый журнал для всех». Обратитесь на имя редактора Берлина. Это единственное место, где я имею знакомого.

«Знание» больше не станет печатать стихотворных переводов.

Желаю успеха. Спасибо вам за память.

Здесь, в этом письме, характерна шепетильная забота о нарушенных интересах корреспондента, и «единственное (!) место», где он, тогда уже писатель чуть не с мировым именем, «имеет знакомого», и дружеский совет «искряться в стороне» от мыслики и уподобивша Сологуба, который, естественно, не мог импонировать тому, кто пишет в жизни не Передоновых, а таких людей, о которых хочется сказать: «Человек—это звучит гордо».

Вернусь на несколько лет назад—к последней нижегородской встрече с А. М. Это было на вокзале. Я уезжал за границу продолжать прерванное увольнением из университета ученье. На перроне я увидел Алексея Максимовича с кем-то из его знакомых. А. М., осведомившись, куда я еду, извлек из кармана запечатанный конверт и просил лично отвезти и передать нашей общей знакомой в Лейпциге, добавив, что он рад представителю своему удобному случаю, так как отсылка письма почтой—дело менее надежное и менее желательное.

Он очень легко простился со мной, но потом оказалось, что он едет в том же поезде и даже в том же вагоне.

Уже находясь в купе 2 класса, я услышал знакомый голос за дверью и другой голос, очевидно, его спутника: «Не беспокойтесь, Алексей Максимович, для вас место найдется». Утром, выйдя из вагона на московском вокзале, я заметил промелькнувшую высокую фигуру в черной мягкой шляпе. Это было в конце 1903 года.